

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

УДК 81'27; 81'276.1

DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-9-17

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

А. В. Иценко

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск

Проанализированы основные подходы (социолингвистический, лингвокультурологический, комплексный) и аспекты изучения феномена русского языка в зарубежье (ветви, волны и поколения эмиграции), представленные в опубликованных в России работах, начиная с 90-х гг. XX в.

На основе такого анализа определено место русского языка этнических немцев, эмигрировавших из России в 90-е гг., в общем контексте русского языка зарубежья и указывается на наметившиеся в нем в настоящее время тенденции. Объектом анализа выступает современная русскоязычная периодика Германии.

Ключевые слова: *социолингвистика, русский язык в зарубежье, ветви русской эмиграции, волны русской эмиграции, поколения эмиграции, русскоязычная эмигрантская пресса, российские немцы, этническая идентичность.*

Русский язык зарубежья – одна из актуальных тем современной лингвистики. Интерес лингвистов к изучению русского языка зарубежья обусловлен тем фактом, что возможность проведения такого рода исследований появилась сравнительно недавно. Первые работы по эмигрантскому русскому языку в нашей стране появились в 1960-е гг., тогда как активный период в изучении русского языка зарубежья в России начинается в 1990-е гг. Смена государственного устройства в России и социально-экономические изменения в обществе послужили стимулом и хорошей базой для появления ряда исследований по этой теме и постепенного становления изучения языка русского зарубежья как полноправного объекта лингвистических исследований.

Одним из первых отечественных ученых, указавших на русский язык зарубежья как на самостоятельный объект изучения лингвистики, стал Ю. Н. Караулов. Язык русского зарубежья в понимании Ю. Н. Караулова – это одна из восьми форм существования (сфер бытования) русского языка, наряду с мертвым языком памятников письменности, диалектным языком, письменным языком литературы, прессы и государственной документации, повседневным разговорным языком и просторечием, профессиональным и научно-техническим языком, русским языком в электронно-вычислительной среде и неисконной русской речью [1, с. 8].

Актуальность проблемы изучения языка русского зарубежья Ю. Н. Караулов видит в необозримости и сложности темы [2, с. 5]. Сложность темы

обусловлена присущими ей особенностями, такими как разнообразие функциональных жанров и стилей, социальная и психологическая неоднородность носителей русского языка, связанная исторически с несколькими «волнами» эмиграции, территориальное варьирование в зависимости от инонационального окружения.

По мнению Е. А. Земской, изучение языка зарубежья имеет важное практическое и теоретическое значение. Исследование особенностей языка эмиграции напрямую связано с рядом проблем теории языка, социолингвистики, этнолингвистики, психолингвистики, иными словами, имеет междисциплинарный характер. Кроме того, результаты научных изысканий дают материал для изучения явления интерференции и непосредственно связанных с ней языковых ситуаций двуязычия и многоязычия, позволяют рассмотреть виды кодовых переключений, выявить факторы, способствующие сохранению языка в окружении других языков, изучить слабость и устойчивость отдельных сторон языковой системы в условиях иноязычного окружения [3].

На актуальность, перспективность и междисциплинарность темы указывают и зарубежные ученые. Американский исследователь Д. Р. Эндрюс, изучая русский язык эмигрантов США, называет русский язык эмигрантов «объектом исследований, имеющим богатые возможности». Причем эмигрантская среда, по мнению Д. Р. Эндрюса, представляет интерес для целого ряда областей человеческого знания: «Эмигрантская среда – это живая

лаборатория для лингвистов, социологов и этнографов» [4, с. 29].

В качестве материалов для исследования языка русского зарубежья выступают как устные, так и письменные источники: многоаспектному анализу подвергаются устная речь информантов, эмигрировавших за рубеж, записи телефонных разговоров, личных бесед и т. д., а также данные письменной речи – эмигрантская пресса, художественные произведения, письма, записки из семейных архивов и др. В большинстве своем исследования русского языка зарубежья направлены на выявление того, какие изменения претерпевает русский литературный язык после отрыва от языка метрополии, находясь в иноязычном окружении, в постоянном контакте с иностранными языками и в зависимости от социолингвистических характеристик своего носителя. Язык метрополии при этом выступает как единица сравнения.

При изучении работ по языку русского зарубежья, вышедших к настоящему моменту, становится очевидным, что данная проблематика рассматривается в нескольких срезах. Вслед за Г. В. Денисовой изучение феномена языка русского зарубежья можно рассматривать как по вертикальной оси (это язык разных «волн» эмиграции на протяжении XX – начала XXI в., диахронический аспект), так и по горизонтальной (язык одной «волны» в нескольких поколениях потомков, это синхронический аспект) [5]. Эти оси условно можно обозначить как ось Y и ось X.

Для полноценного освещения феномена языка русского зарубежья представляется необходимым ввести обозначение еще одного направления – диагональной оси, оси Z, показывающей необходимость учета двух ветвей эмиграции, дифференцированных по географическому признаку. Лингвистами исследуются две ветви русской эмиграции в XX в. – западная и восточная и, соответственно, изучается русский язык эмиграции на Западе и на Востоке. Большая часть работ посвящена русскому языку западной ветви, находящемуся в окружении и взаимодействии с английским, французским, немецким, итальянским, финским и другими европейскими языками. Это труды Е. А. Земской, М. Я. Гловинской, Л. М. Грановской, Н. И. Голубевой-Монаткиной, Е. В. Красильниковой, А. В. Зеленина, Е. Ю. Протасовой, А. Н. Шовгенина, К. Менг, А. В. Павловой и других авторов.

Ю. Н. Караулов в своей статье «О русском языке зарубежья» обозначает возможные направления исследований языка зарубежья в соответствии со структурой языковой способности носителя: на грамматико-семантическом, когнитивном и мировоззренческо-прагматическом уровнях языковой личности [2, с. 5]. Кроме собственно лингвистиче-

ского подхода к изучению языка (грамматико-семантический уровень), Ю. Н. Караулов обращает внимание исследователей и на другие не менее интересные аспекты, которые могут быть предметом специального изучения, например, мотивы и настроения в художественных произведениях зарубежных русских авторов, семиотика заглавий их произведений, анализ прецедентных текстов. Развитие идей Н. Ю. Караулова можно наблюдать в работах, появившихся после выхода его статьи.

Помимо собственно лингвистического анализа русского языка зарубежья, исследователями активно применяются социолингвистические и лингвокультурологические методы к изучению данной проблематики. Кроме того, предпринимаются попытки рассмотреть феномен языка русского зарубежья комплексно, объединяя все вышеназванные подходы.

Одной из первых отечественных работ по изучению западной ветви эмиграции в 1990-е гг. стала монография Л. М. Грановской «Русский язык в «рассеянии» [6], которая посвящена литературному русскому языку дореволюционной России, на котором писали эмигранты первой волны. Автор рассматривает лексические, семантические, стилистические, фразеологические, композиционно-тематические особенности, проявившиеся в эмигрантской периодике и художественной литературе, и заключает, что эти отличительные особенности «позволяют назвать язык русской эмиграции особой подсистемой русского литературного языка XX века» [6, с. 3].

М. Я. Гловинская, также обращаясь к изучению русского языка западной ветви эмиграции, поставила перед собой задачу выявить наиболее подвижные участки языковой системы русского языка, на которых в эмигрантской речи чаще всего наблюдается нарушение языковой нормы [7]. Язык эмиграции автор рассматривает как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии, актуализированных в состоянии «языкового шока», в котором оказались эмигранты первой волны под воздействием иноязычного окружения. В таких условиях тенденции и процессы, протекающие в языке метрополии, проявляются в языке эмиграции отчетливее и раньше, чем в языке метрополии [8, с. 341].

Для решения этой задачи автор анализирует в основном письменные источники (мемуары, художественная литература, эмигрантская пресса, частная переписка), хотя учитывает и записки устной речи эмигрантов первого поколения всех четырех волн эмиграции, а также анализирует язык носителей русского языка, проживающих в метрополии.

Большой вклад в изучение языка русского зарубежья внесла Е. А. Земская. Она предпринимает попытку комплексного исследования феномена

языка русского зарубежья с целью выявления факторов, которые способствуют сохранению русского языка в эмиграции и поиску зависимости между степенью сохранности/разрушения русского языка и индивидуальными, культурными, социальными, историческими особенностями русского зарубежья [7]. Автор изучает устную и письменную речь эмигрантов разных волн, проживающих в США, Германии, Италии, Франции, Финляндии.

Е. А. Земская осуществляет социолингвистическую характеристику всех четырех волн эмиграции, выявляет типичные особенности речи эмигрантов первой волны и их потомков на всех уровнях языковой системы, рассматривает функции заимствованной лексики в речи эмигрантов разных волн, а также создает индивидуальные речевые портреты эмигрантов.

В течение многих лет занимаясь изучением русского языка эмигрантов в разных странах, Е. А. Земская обозначает теоретические вопросы, требующие решения [7, 9]: как именно влияет тот или иной язык страны обитания на язык эмиграции? какие языки оказывают большее/меньшее воздействие на язык диаспоры? По личным наблюдениям Е. А. Земской, английский, французский и немецкий языки оказывают наибольшее влияние на русский язык в эмиграции вследствие своей внутренней структуры и широкой распространенности в мире, что проявляется в явлении интерференции.

Соединение социологического и собственно лингвистического подходов к изучению русского языка зарубежья предпринято в работах Н. И. Голубевой-Монаткиной, в которых изучается устная речь нескольких поколений эмигрантов первой волны во Франции и Канаде [10]. Автор обращает внимание на неоднородность эмигрантской русской речи, в связи с чем выделяет несколько ее типов (староэмигрантская и новоэмигрантская речь эмигрантов Франции и Канады; как отдельный тип автор выделяет и описывает речь духоборов Канады). Н. И. Голубева-Монаткина не только подробно описывает лексические и грамматические характеристики речи эмигрантов, но и дает социологическую характеристику изучаемых групп.

Лингвокультурологический подход находит свое отражение в исследовании С. Е. Никитиной. Автор исследует изменения, которым подвергается русский язык конфессиональных групп (старобрядцев и молокан), живущих в США, под воздействием английского языка [10]. Большинство авторов (Н. А. Кожевникова, Л. М. Грановская, Е. В. Красильникова) обращают свое внимание на устную речь общественных деятелей, а также на язык художественной литературы русского зарубежья [10].

Из зарубежных исследователей эмигрантского русского языка особо хотелось бы выделить работу Хайнриха Пфандля [11] по причине ее направленности не только на выявление языковых, но и социально-культурных установок эмигрантов. Автор, проводя наблюдения над русской речью и поведением эмигрантов в Австрии, выделяет три типа культурно-языкового поведения: поведение ассимилянта, антиассимилянта и сознательное поведение. Каждый тип поведения характеризуется особенностями отношения человека к своему родному языку и культуре, а также к осваиваемому языку и культуре, от чего, по мнению автора, и зависят дальнейшие процессы развития русского языка в эмиграции [11, с. 71].

Восточная ветвь русской эмиграции, в отличие от западной, является менее изученной. Говоря о русском языке восточного зарубежья, имеют в виду обычно русский язык эмигрантов из России в страны Тихоокеанского региона, в первую очередь в Китай, в такие города, как Харбин, Шанхай, Тяньцзинь.

Исследованию восточной ветви русской эмиграции посвящены работы Г. М. Старыгиной (о языке последних русских харбинцев), Л. М. Шипановской (о языке художественных произведений писателей русского восточного зарубежья), А. Н. Анцыповой (о харбинской эмиграции в Австралии), Н. В. Райан (о языковой ассимиляции русских эмигрантов из Китая в Австралию) и др.

Одной из первых комплексных работ по изучению русского языка восточной ветви эмиграции стала монография Е. А. Оглезневой [12]. По ее мнению, русский язык восточного зарубежья остается некоторым «белым пятном» на карте лингвистических исследований. Е. А. Оглезнева на материале письменной и устной речи русских эмигрантов в Харбине (Китай) рассматривает русский язык восточного зарубежья как возможный вариант развития русского языка вне метрополии. Автор приходит к выводу, что русский язык восточной ветви эмиграции обладает рядом специфических черт на всех уровнях языковой системы, что обусловлено как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Русский язык в зарубежье, как показывает Е. А. Оглезнева, можно рассматривать «как особую форму существования русского языка в XX веке».

Определение исследователями феномена русского языка зарубежья как «особой формы существования (сферы бытования) русского языка» (Ю. Н. Караулов, Е. А. Оглезнева), «особой подсистемы русского литературного языка XX века» (Л. М. Грановская), обладающего вследствие языковых контактов и влияния иноязычного окружения рядом особенностей на разных уровнях языко-

вой системы, дает основания считать этот феномен актуальным и перспективным направлением лингвистических исследований, требующим комплексного изучения.

Известно, что при изучении западной и восточной ветвей эмиграции исследователями принято выделять «волны» эмиграции как некоторые хронологически очерченные периоды на протяжении XX – начала XXI в., имеющие свои исторические причины и характеризующиеся рядом специфических языковых и социокультурных черт (Д. Р. Эндрюс, Х. Пфандль, Л. М. Грановская, Е. А. Земская, Н. И. Голубева-Монаткина, А. В. Зеленин, Е. А. Оглезнева и др.). Охарактеризуем волны западной ветви эмиграции.

Первая волна эмигрантов приходится на 1917 г. и связана с политическими событиями, когда эмигрантами становятся лица, бежавшие из России после Великой Октябрьской революции. В большинстве своем первая волна представлена людьми дворянского происхождения, следовательно, образованными, с аристократическим воспитанием, часто со знанием нескольких иностранных языков, хорошим владением родным языком, который характеризуется некоторой архаичностью. Е. А. Земская подчеркивает, что эмигранты первой волны стремились сохранить свой русский язык, потому как надеялись на возвращение на Родину [7, с. 36–38, с. 68].

Д. Р. Эндрюс, изучая язык русских эмигрантов в США, отмечает, что существует иной взгляд на вопрос о периодизации первой волны. Для многих современных американцев с русскими корнями непонятно, почему первая волна приходится только на 1917 г., тогда как их предки эмигрировали в США из Российской империи раньше, до первой волны, в конце XIX – начале XX в. Дело в том, пишет Д. Р. Эндрюс, что большую часть эмигрантов начала XX в. составляли евреи, их первым языком был идиш [4, с. 18]. Поэтому при характеристике первой волны необходимо уточнять, что речь идет об эмигрантах, для которых русский язык был родным.

Вторая волна называется исследователями «военной» и приходится на период Второй мировой войны (1940-е гг.). Среди эмигрантов второй волны – лица, оказавшиеся за пределами России по разным причинам: солдаты, взятые в плен, гражданское население, угнанное в Германию на трудовые работы, граждане, бежавшие от трудностей военного времени. Это советские граждане, что качественно отличает их язык от языка первой волны эмиграции [4, с. 18] с присущими ей языковыми особенностями советского времени.

Третья волна определяется учеными как «диссидентская» или «еврейская». Она охватывает пе-

риод с 1970-х и до середины 1980-х гг. К эмигрантам третьей волны относят диссидентов, которых насильственно выслали за их либеральные настроения и борьбу против советского строя, а также русскоговорящих евреев, в отношении которых советским правительством были ослаблены ограничения на выезд, и лиц интеллектуальных и творческих профессий, которые были вынуждены уехать или были высланы из страны [13, с. 32]. Большая часть эмигрантов третьей волны получила высшее образование в СССР и поэтому хорошо знала русский язык. Они сохраняли и оберегали русский язык, относились к нему как «культурной ценности» [12], чему способствовала профессиональная деятельность на русском языке. Многие эмигранты до отъезда из России также владели английским языком или языком той страны, в которую они собирались уехать.

Четвертая волна приходится на 1990-е гг. и связана с экономико-политическими преобразованиями в России, вследствие которых стал возможным легальный выезд из страны, а также в связи с введением репатриационных программ в ряде зарубежных стран. Репатрианты, среди которых немцы, евреи, финны, поляки, греки, вернулись на свою историческую родину [13, с. 32].

По данным Ж. А. Зайончковской, с 1990 по 2000 г. из России выехало примерно 1,1 миллиона человек, из них около 300 тысяч – немцы («русские немцы», «российские немцы» и члены их семей), уехавшие в Германию [14].

Е. А. Земская, ссылаясь на Н. Л. Пушкареву, отмечает, что в большинстве своем эмигранты четвертой волны «не имеют высшего образования, занимаются малоквалифицированным трудом и обычно, приезжая, не знают языка приютившей их страны» [3; 7, с. 44]. Последнее замечание справедливо в отношении эмигрантов – русских по происхождению, например, членов семей российских немцев, тогда как представители этнической группы российских немцев, как правило, в той или иной степени владеют немецким языком или его диалектами. Незнание немецкого языка русскими по происхождению требует его немедленного изучения, что необходимо для достижения главной цели приезжих – качественно поднять свой уровень жизни: улучшить жилищные условия, найти хорошую работу, завести семью. В интенсивном приложении сил к изучению языка страны проживания, изучению его «с нуля» Е. А. Земская видит главную причину изменения русского языка эмигрантов четвертой волны, проявляющегося в первую очередь в лексических заимствованиях и в меньшей степени на фонетическом уровне и в интонации [3].

Как заметил П. Полян, «четвертая волна – это, по сути, первая более или менее цивилизованная

эмиграция в российской истории» [15], потому что в ее основе лежат не политические причины, а социально-экономические, поэтому эту волну часто называют «экономической». В этом заключается принципиальное отличие четвертой волны от других волн эмиграции: ими движет сознательное расставание с Россией в поисках более комфортного места проживания.

В то же время Ж. А. Зайончковская отмечает, что если изначально основу четвертой волны составляла эмиграция этнических меньшинств (пик немецкой эмиграции приходится на 1993–1995 гг.), то к 2000 г. этнический характер четвертой волны меняется: растет количество русских, эмигрировавших за рубеж, причем возрастная структура эмигрантов, по сравнению с населением России, сдвинута в сторону более молодого возраста, и эмиграция из России стала носить «явные черты утечки умов» [14]. Е. А. Земская, характеризуя активные процессы в современном русском языке зарубежья на рубеже XX–XXI вв., тоже замечает резкое качественное изменение состава четвертой волны: теперь за рубеж уезжают люди образованные, чтобы учиться или работать. В отличие от эмигрантов начала 1990-х гг., эмигранты 2000-х ориентированы на сохранение связей с Россией. Многие из них сохраняют российский паспорт, тем самым имеют двойное (российское и немецкое) гражданство. Некоторые эмигранты организуют собственный бизнес в двух странах, который предполагает периодические поездки в Россию. В регулярном, хоть и кратковременном пребывании за границей Е. А. Земская видит возможный источник изменений русского языка под влиянием чужого языка [16, с. 619].

Вследствие неоднородности четвертой волны и резкого изменения ее состава А. В. Зеленин в своей классификации волн эмиграции предлагает четвертую волну 2000-х считать пятой, особой волной эмиграции. Ее представители, по А. В. Зеленину, имеют высшее образование, нередко сохраняют российское гражданство и паспорт, регулярно приезжают в Россию. Пятую волну А. В. Зеленин называет «экономической» или «интеллектуальной», датируя этот период с середины 1990-х гг., тогда как четвертая волна эмиграции начала 1990-х гг. получила у А. В. Зеленина название «этнической», что связано с ее выраженным этническим и репатриационным характером [13, с. 32–33].

Как указывают исследователи, восточная ветвь русской эмиграции также имеет волнообразный характер. Описание волн восточной ветви эмиграции представлено в работе Е. А. Оглезневой [12, с. 17–21].

Е. А. Оглезнева отмечает, что восточная ветвь эмиграции хоть и «находится в общем историко-

культурном контексте российской эмиграции», но обладает рядом «специфических черт, определяющих ее своеобразие и феноменальность». Качество языковой ситуации в этом регионе определяется количественным составом русских и их перемещениями внутри Китая [12, с. 16].

Феномен русского языка зарубежья также изучается и в синхроническом аспекте – в рамках одной волны эмиграции анализу подвергается русский язык разных поколений.

Большинство ученых (Л. М. Грановская, М. Я. Гловинская, Е. А. Земская, М. Н. Голубева-Монаткина и др.) в своих работах проводят изучение русского языка зарубежья с учетом синхронического аспекта. Исследователи описывают степень владения и сохранности русского языка в разных поколениях потомков эмигрантов, дают этому социолингвистическое обоснование, объясняя способность тех или иных социальных факторов детерминировать языковые особенности речи потомков эмигрантов.

Е. А. Земская выделяет в рамках первой волны (1920-е гг. XX в.) четыре поколения: I – покинувшие Россию самостоятельно или увезенные родителями, II – дети, родившиеся за рубежом, III – внуки, IV – правнуки [7, с. 71]. Она подчеркивает, что сознательно относит к первому поколению не только родителей, но и детей, если они родились на территории России (СССР) и провели в ней часть жизни, в отличие от детей второго поколения, которые родились за рубежом и совсем не жили в России.

М. Я. Гловинская, обращаясь к письменным источникам, изучает особенности русского языка первого поколения всех четырех волн эмиграции в сравнении с процессами, протекающими в языке метрополии. Автор обращает внимание ученых на тот факт, что «при изучении живых общерусских процессов может использоваться лишь первое поколение эмиграции» [7, с. 342], поскольку язык первого поколения был усвоен в метрополии, является для поколения ведущим, следовательно, в нем наблюдаются те же общеязыковые процессы, что и в языке метрополии. Вместе с тем русский язык первого поколения, вследствие «языкового шока» – воздействия иноязычной среды, обнаруживает специфические от языка метрополии процессы.

Язык второго, третьего и последующего поколений в рамках одной волны, по мнению автора, имеет признаки консервации, так как усвоен в условиях иноязычного окружения в отрыве от живого национального языка.

М. Я. Гловинская резюмирует, что в отношении русского языка первого поколения корректно говорить об изменении родного языка под воздействием иноязычного окружения, тогда как в отношении

языка второго и последующих поколений (потомков первого поколения) речь должна идти только об усвоении русского языка в иноязычных условиях [7, с. 345].

Таким образом, охарактеризованы основные подходы (социолингвистический, лингвокультурологический, комплексный) и аспекты изучения феномена языка русского зарубежья (ветви, волны и поколения эмиграции).

В фокусе данного исследования русский язык российских немцев. Они уехали из России в Германию в начале 1990-х гг. Это одна из многочисленных эмигрантских групп Германии, культурно и исторически связанная с Россией и поэтому представляющая большой интерес не только для лингвистов, но и для историков, социологов, культурологов и других исследователей. Российские немцы представляют собой четвертую волну российской эмиграции и относятся к западной ее ветви, следовательно, вписываются в контекст западной эмиграции.

В качестве материала исследования выступают современные русскоязычные периодические издания российских немцев, издающиеся на территории Германии во втором десятилетии XXI в. Таким образом, объектом изучения является письменная речь.

Эмигрантская пресса и раньше выступала источником материалов по изучению языка эмигрантов, но, по наблюдениям А. В. Зеленина, все больше как дополнительный источник в виде «спорадических ссылок на эмигрантские газеты» [13, с. 17, с. 23].

Малоизученность темы, запоздалое, по сравнению с другими письменными источниками, обращение к прессе как основному источнику материалов для изучения русского языка зарубежья А. В. Зеленин связывает с нелингвистическими причинами: трудоемкостью сбора исследовательского материала и сосредоточением архива эмигрантских газет за рубежом, а также закрытостью темы для советских ученых [13, с. 23].

Стоит отметить, что А. В. Зеленин одним из первых предпринял попытку проведения комплексного исследования русского языка зарубежья на материале эмигрантской прессы. В своей монографии автор фокусируется на изучении языка публицистики определенного исторического периода (1919–1939 гг.), т. е. языка первой волны эмиграции. В качестве основного материала исследования выступает язык эмигрантской прессы разной политической направленности и в разных центрах эмиграции.

Периодические издания на русском языке, издающиеся в Германии, в том числе современные, вызывали интерес у исследователей. Русская

периодика в Германии существовала на протяжении всего русского эмигрантского присутствия там.

В. Куренной, российский философ, культуролог, переводчик, публицист, предпринял структурный анализ русскоязычных печатных СМИ в Германии. Он дает характеристику основных медийных игроков на рынке русскоязычной прессы Германии по состоянию на 2006 г. Автор называет и описывает популярные русскоязычные газеты и выявляет структурные особенности русскоязычной прессы в целом [17].

К особенностям русскоязычной прессы автор относит двуязычный характер изданий, информационную несамостоятельность, установки на ассимиляцию или интеграцию, преобладающий коммерческий характер изданий, универсально-эклетицистскую специфику материалов и резкий оценочный характер суждений.

Согласно классификации В. Куренного, русскоязычную прессу Германии можно разделить на две категории: этнически- и культурно ориентированную. Этническая пресса предназначена для немцев-переселенцев (российских немцев) и еврейских беженцев, культурно ориентированная – для русскоязычного контингента Германии в целом.

В. Куренной подчеркивает, что русскоязычная пресса российских немцев имеет установку на ассимиляцию, т. е. на «растворение в немецкой социальной и культурной среде» [17]. Очевидно, что такая установка повлечет за собой изменения в письменной русской речи российских немцев.

С лингвистических позиций немецкая периодика изучалась Е. Ю. Протасовой, К. Менг, К. Вицлак-Макаревичем, А. Н. Шовгениным, Е. А. Шовгениной, А. С. Смоляровой.

В работах этих авторов исследовалась языковая ситуация русскоязычной диаспоры Германии и лексические особенности русскоязычной прессы в Германии [18, 19], рассматривалось взаимодействие русского и немецкого языков в социальной обусловленности [20], описывались явления, происходящие в письменном русском языке под влиянием иноязычного окружения, изучались прецедентные феномены в заголовках газет [21]. Авторы анализировали результаты языковых контактов русского и немецкого языков, которые выразились в явлении интерференции и представлены в текстах русскоязычных газет, в частности лексическими заимствованиями из немецкого языка.

В данных работах внимание исследователей сосредоточено на описании языковых явлений, характерных для русскоязычной прессы Германии в целом. Русскоязычные издания последних лет, предназначенные для этнических немцев-переселенцев, пока не рассматривались. Кроме того, не-

достаточно внимания уделялось веб-версиям газет, которые могут представлять интерес в совокупности своих вербальных и невербальных компонентов. При этом можно отметить динамику медийных русскоязычных изданий в Германии.

Во-первых, несмотря на динамичный характер рынка русскоязычной печатной прессы в Германии и общую мировую тенденцию к уменьшению количества печатной прессы по причине развития компьютерных технологий и появления новостных интернет-порталов, русскоязычная пресса в Германии продолжает существовать, следовательно, отвечает на запросы целевой аудитории. Более того, в последнее время наблюдается возобновление выпуска некоторых традиционных изданий российских немцев, некогда популярных у этой этнической группы.

Во-вторых, русскоязычная пресса Германии стала приобретать выраженный коммерческий характер. Это находит неутешительный отклик у читателей, что приводит к их неудовлетворенности и может быть причиной потери читательской аудитории. Подобная тенденция может быть обусловлена и изменением самого адресата: более чем за двадцать лет пребывания в Германии эмигранты четвертой волны значительно повысили свой уровень немецкого языка и теперь ориентируются на немецкую прессу. Однако потребность в существовании русскоязычных изданий, предназначенных для этнических немцев, обусловлена особым положе-

нием этой группы в немецком обществе. Этнические немцы, проживавшие на территории СССР, представляли собой неисконную этническую группу – считались *немцами*. Вернувшись в Германию, на Родину своих предков, они не успели стать «своими», местное население называет их *русскими*. Такое пограничное положение между двумя этносами и культурами определяет их как особую этническую группу, а русскоязычная пресса становится средством их этнической идентификации.

Язык такой прессы, кроме многочисленных лексических заимствований, подвергается изменениям и на других уровнях языковой системы, чему способствует длительный контакт с немецким языком. Фиксирование в прессе нарушений языковой нормы на разных уровнях языковой системы, выявление особенностей языка зарубежья, отличных от языка метрополии, может стать свидетельством процессов, происходящих в русском языке эмиграции, и вследствие письменного, опубликованного характера текстов, явления «публичного общения» позволяет присвоить таким нарушениям статус коллективной ошибки, что, в свою очередь, демонстрирует языковую динамику в обусловленности как собственно лингвистическими, так и социолингвистическими факторами, в том числе фактором определения этнической идентичности.

Выявить и описать подобные языковые изменения в совокупности обозначенных факторов – задача данного исследования.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. М.: Академия наук СССР, Институт русского языка АН СССР, 1991. 65 с.
2. Караулов Ю. Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 5–18.
3. Земская Е. А. Особенности русской речи эмигрантов четвертой волны // Справочно-информационный портал Грамота.ру. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_520 (дата обращения: 09.02.2017).
4. Эндриус Д. Р. Пять подходов к лингвистическому анализу языка русских эмигрантов в США // Славяноведение. 1997. № 2. С. 18–29.
5. Денисова Г. В. Креативный потенциал языка русских эмигрантов «первой волны» // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. Т. 7, № 7. С. 411–429. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26498712> (дата обращения: 27.04.2017).
6. Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М.: ИРЯЗ, 1995. 176 с.
7. Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки славянской культуры; Вена: Венский славистический альманах, 2001. 496 с.
8. Гловинская М. Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки славянской культуры; Вена: Венский славистический альманах, 2001. С. 341–492.
9. Земская Е. А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 114–131. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/zemskaya-01.htm> (дата обращения: 18.09.2016).
10. Русский язык зарубежья / отв. ред. Е. В. Красильникова. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2010. 344 с.
11. Пфандль Х. Русский язык в современной эмиграции // Русская речь. 1994. № 3. С. 70–74.
12. Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009.
13. Зеленин А. В. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб.: Златоуст, 2007. 380 с.
14. Зайончковская Ж. А. Эмиграция в дальнем зарубежье // Демоскоп Weekly № 27–28 [30 июля – 12 августа 2001 г.]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/027/tema01.php> (дата обращения: 02.05.2017).
15. Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 493–519. URL: http://demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php#_FN_17 (дата обращения: 02.05.2017).

16. Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с. (Studia Philologica).
17. Куренной В. Структурный анализ русскоязычных печатных СМИ в Германии. URL: http://www.fundeh.org/files/projects/elements/34/strukturnyj_analiz_russkojazychnyh_pечатnyh_smi_g.pdf (дата обращения: 28.05.2017).
18. Протасова Е. Ю. Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // Известия АН. Серия литературы и языка, 2000. Т. 59, № 4. С. 49–60.
19. Менг К., Шовгенин А. Н. Немецкоязычные элементы в русскоязычных газетах Германии // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2006. Вып. 5. С. 105–114.
20. Shovgenin A. N., Shovgenina E. A. The newspapers of russian-speaking diaspora in Germany and its sociolinguistic space // Russian linguistic bulletin. 2015. № 4. P. 17–21.
21. Смолярова А. С. Проблемы трансляции демократических ценностей в текстах русскоязычных газет в Германии // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2013. № 22. С. 173–179.

Иценко Александра Викторовна, аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050). E-mail: itcenko@tpu.ru

Материал поступил в редакцию 17.07.2017.

DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-9-17

MODERN RUSSIAN-LANGUAGE NEWSPAPERS OF RUSSIAN GERMANS IN GERMANY IN THE CONTEXT OF STUDIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE ABROAD

A. V. Itsenko

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

The article deals with the phenomenon of the Russian language abroad. As the title implies the article describes general research context of the phenomenon and focuses on the research of the Russian-language emigrant newspapers.

In general research the context of the phenomenon of the Russian language abroad, basic approaches and research aspects are analyzed. The analysis of approaches and aspects is based on research works published in Russia since 1990s. The author refers to sociolinguistic, lingvocultural and intergrated methods of the research to basic approaches. Research aspects of the phenomenon are presented as branches, waves and generations of the Russian emigration. The article provides in detail two branches of the Russian emigration which are differentiated to the geographical principle – the West and the East Russian emigration. It is also reported about the diachronic aspect of the phenomenon of the Russian language abroad – waves of the Russian emigration and the sociolinguistic and language description of their typical representatives are given. In addition to this the synchronic aspect is described – the Russian language of generations within the scope of waves.

In the general context of the research phenomenon of the Russian language abroad the author gives much attention to the Russian language of ethnic Germans who emigrated from Russia to Germany in 1990s. The object of the research is modern Russian-language newspapers of Russian Germans who live in Germany. The author analyses the structure of the Russian-language printed emigrant newspaper market in Germany and points out modern tendencies in the Russian language of newspapers of Russian Germans in Germany.

Key words: *sociolinguistics, the Russian language abroad, branches of Russian emigration, waves of Russian emigration, generations of emigration, Russian-language emigrant newspapers, Russian Germans, ethnic identity.*

References

1. Karaulov Yu. N. O sostoyanii russkogo yazyka sovremennosti [About the state of modern Russian language]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR, the Institute of the Russian Language of the USSR Academy of Sciences, 1991. 65 p. (in Russian).
2. Karaulov Yu. N. O russkom yazyke zarubezh'ya [About the Russian language abroad]. *Voprosy yazykoznanija – Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, 1992, no. 6, pp. 5–18 (in Russian).
3. Zemskaya E. A. Osobennosti russkoy rechi emigrantov chetvertoy volny [Peculiarities in the Russian speech of emigrants of the fourth wave]. *Spravochno-informatsionnyy portal Gramota.ru* [Reference and information portal Gramota.ru]. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_520 (accessed 09 February 2017) (in Russian).
4. Endryus D. R. Pyat' podkhodov k lingvisticheskomu analizu yazyka russkikh emigrantov v SShA [Five approaches to the linguistic researches of Russian emigrants language in the USA]. *Slavyanovedeniye – Slavianovedenie*, 1997, no. 2, pp. 18–29 (in Russian).
5. Denisova G. V. Kreativnyy potentsial yazyka russkikh emigrantov «pervoy volny» [Creative language potential of the first wave emigrants]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova – Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2016, vol. 7, no. 7, pp. 411–429. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26498712> (accessed 27 April 2017) (in Russian).

6. Granovskaya L. M. *Russkiy yazyk v "rasseyanii". Ocherki po yazyku russkoy emigratsii pervoy volny* [The Russian language in dispersion. Language peculiarities of emigrants of the first wave]. Moscow, IRYaZ Publ., 1995, 176 p. (in Russian).
7. *Yazyk russkogo zarubezh'ya: obshchiye protsessy i rechevye portrety* [The Russian language abroad: general processes and speech portraits]. Ed. E. A. Zemskaya. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury; Vena, Venskiy slavisticheskiy al'manakh Publ., 2001, 496 p. (in Russian).
8. Glovinskaya M. Ya. Obshchiye i spetsificheskiye protsessy v yazyke metropolii i emigratsii [General and specific processes in the language of mother country and emigration]. *Yazyk russkogo zarubezh'ya: obshchiye protsessy i rechevye portrety* [Language of the Russian Abroad: general processes and speech portraits]. Ed. E. A. Zemskaya. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury; Moscow, Venskiy slavisticheskiy al'manakh Publ., 2001, pp. 341–492 (in Russian).
9. Zemskaya E. A. Yazyk russkogo zarubezh'ya: itogi i perspektivy issledovaniya [The Russian language abroad: results and perspectives of research]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii – Russian Language and Linguistic Theory*, 2001, no. 1, pp. 114–131. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/zemskaya-01.htm> (accessed 18 September 2016) (in Russian).
10. *Russkiy yazyk zarubezh'ya. Izd. 2* [The Russian language abroad Issue 2]. Ed. E. V. Krasilnikova. Moscow, Editorial URSS Publ., 2010, 344 p. (in Russian).
11. Pfandl' Kh. Russkiy yazyk v sovremennyy emigratsii [The Russian language in modern emigration]. *Russkaya rech'*, 1994, no. 3, pp. 70–74 (in Russian).
12. Oglezneva E. A. *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Kharbine)* [The Russian language in the East emigration (based on the materials of the Russian speech in Harbin)]. Blagoveshchensk, Amurskiy gos. un-t Publ., 2009 (in Russian).
13. Zelenin A. V. *Yazyk russkoy emigrantskoy pressy (1919–1939)* [The language of Russian emigrants press (1919–1939)]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2007, 380 p. (in Russian).
14. Zayonchkovskaya Zh. A. Emigratsiya v dal'neyem zarubezh'e [Emigration to far-abroad countries]. *Demoskop Weekly*, no. 27–28, 30 July – 12 August 2001. URL: <http://demoscope.ru/weekly/027/tema01.php> (accessed 02 May 2017) (in Russian).
15. Polyana P. Emigratsiya: kto i kogda v XX veke pokidal Rossiyu [Emigration: who and when emigrated from Russia in the XX century]. *Rossiya i eye regiony v XX veke: territoriya – rasseleniye – migratsiya* [Russia and its regions in the XX century: territory – resettlement – migration]. Ed. O. Glaser and P. Polyana. Moscow, OGI Publ., 2005, pp. 493–519. URL: http://demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php#_FN_17 (accessed 02 May 2017) (in Russian).
16. *Sovremennyy russkiy yazyk: aktivnyye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [The contemporary Russian language: active processes in the XX–XXI centuries]. Ed. L. P. Krysin. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 712 p. (Studia Philologica) (in Russian).
17. Kurennoy V. *Strukturnyy analiz russkoyazychnykh pechatnykh SMI v Germanii* [The structure analysis of the Russian-language printed media in Germany]. URL: http://www.fundeh.org/files/projects/elements/34/strukturnyj_analiz_russkoyazychnyh_pechatnyh_smi_g.pdf (accessed 28 May 2017) (in Russian).
18. Protasova E. Yu. Leksicheskiye osobennosti russkoyazychnoy pressy v Germanii [Lexical peculiarities of Russian-language press in Germany]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka – Izvestiya, Literature and Language Series*, 2000, vol. 59, no. 4, pp. 49–60 (in Russian).
19. Meng K., Shovgenin A. N. Nemetskoyazychnye elementy v russkoyazychnykh gazetakh Germanii [The German-language elements in the Russian-language newspapers in Germany]. *Vestn. Volgogr. gos. un-ta Ser. 2: Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2006, vol. 5, pp. 105–114 (in Russian).
20. Shovgenin A. N., Shovgenina E. A. The newspapers of russian-speaking diaspora in Germany and its sociolinguistic space. *Russian linguistic bulletin*, 2015, no. 4, pp. 17–21. DOI: 10.18454/RULB.4.10
21. Smolyarova A. S. Problemy translyatsii demokraticeskikh tsennostey v tekstakh russkoyazychnykh gazet v Germanii [Translation problems of democratic values in the Russian-language newspapers in Germany]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – CSU Bulletin*, 2013, no. 22, pp. 173–179 (in Russian).

Itsenko A. V., National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: itcenko@tpu.ru